

Тиат на мгновение замешкался, а затем протянул руки и обнял её. Подражая тому, как это делал Джок в его воспоминаниях, он начал похлопывать её по спине:

— Перестань плакать.

Лайл не хотела обращать на него внимания. Даже когда Тиат сам шагнул навстречу и заключил её в объятия, она сдерживалась и хранила молчание.

Тиат терпеливо ждал, про себя отсчитывая секунды.

Когда он досчитал до шестидесяти, его расстроенный щенок всё же не выдержала и глухо произнесла:

— Нет, я вовсе не плачу.

Голос её звучал хрипло, с явным гнусавым оттенком.

Хотя выглядела она так, словно была убита горем.

Тиат вздохнул. По сравнению с тем, как она только что, глядя прямо в глаза, бесстыдно лгала, притворяясь обиженной и наотрез отказываясь признавать вину, ему всё же больше нравилось видеть Лайл вот такой — плачущей.

Он опустил голову и заметил у неё на макушке маленький вихор.

Тиат никогда прежде не был так близко к кому-либо — неужели такие есть у всех? Его охватило любопытство, и он не удержался, коснувшись вихора пальцем.

Лайл: «???»

Что это за новый способ нападения?

Её щенок начал сопротивляться. Натолкнувшись на препятствие, Тиат опустил взгляд ниже и увидел её длинные, густые и мягкие волосы. У затылка они были разделены на две пряди, заплетены в несколько косичек, а затем сложены пополам и перевязаны.

Напоминало длинные уши кролика, свисающие сзади.

«Похоже, Джок и правда вкладывал всю душу в заботу о моём щенке», — подумал Тиат.

Лайл чувствовала себя сбитой с толку. Разве они не должны были сейчас объясняться, выплескивать накопившиеся обиды и попутно ссориться?

Откуда взялось это чувство досады, когда весь запал вдруг испарился на полпути?

Она невольно пошевелила головой.

Внезапно Тиат уловил слабый запах крови. Он отпустил Лайл, чуть повел носом, улавливая этот едва уловимый аромат, и перевел взгляд на её тревожные глаза, а затем на левую руку, неестественно опущенную вдоль тела.

— Что это такое? — он сжал подбородок Лайл, заставляя её поднять голову.

Лайл не смела смотреть на него. Взгляд Тиата стал опасным. Ему приходилось сгибаться и горбиться, чтобы смотреть на Лайл прямо, и со спины он напоминал приготовившегося к прыжку гепарда.

Он увидел, что шея Лайл обмотана бинтами в два слоя, сквозь которые проступала кровь.

— Отвечай.

Лайл долго молчала, наконец проронив:

— Случайно поранилась за городом.

— Почему рана именно здесь? — спросил Тиат. — Говори правду, врать нельзя.

— Кто-то полоснул меня.

— Кто тебя полоснул?

Лайл ответила:

— Не знаю. Когда я всё поняла, это уже случилось.

Она украдкой взглянула на выражение лица Тиата:

— Прости.— Слушай сюда, — отрезал Тиат. — Мне уже тошно слушать твои извинения, не хочу больше слышать от тебя эти три слова. Дальше так: я спрашиваю — ты отвечаешь. Поняла?

Его лицо исказила гримаса недовольства.

— Да.

— Где именно за городом тебя поранили? Те, кто это сделал, — альфы или беты? Помнишь их внешность, одежду, рост?

— Не помню, — Лайл едва заметно дрогнула ресницами, явно не желая продолжать. — Я копалась в песке, искала кое-что. Когда нашла, они внезапно выскочили и попытались отобрать мою находку.

Тиат так крепко сжал ткань её одежды, что на его руке вздулись вены:

— Эти ублюдки посмели у тебя что-то отнять? Продолжай.

Лайл отвела взгляд в сторону и прошептала:

— Я не хотела отдавать, они пригрозили мне ножом. А когда отобрали и поняли, что вещь ничего не стоит, просто выбросили её.

Тиат холодно усмехнулся:

— И ты просто приплелась обратно, поджав хвост? Не могла позвонить мне? Или Джоку? Твой Оптомозг для красоты висит, что ли?

Тиат выглядел так, словно был готов избить её прямо сейчас, даже не дожидаясь, пока разыщет тех, кто посмел её обидеть.

— Ну ты даешь. Даже моя собака, если её кто-то обидит на улице, знает, что нужно прибежать и подать голос. — Он окончательно слетел с катушек, не скупясь на ядовитые слова: — Если бы я сегодня не заметил, ты бы так и проглотила эту обиду, верно?

Лайл зажмурилась:

— Прости, но я не собака.

— Ты даже хуже собаки.

От его слов на глазах у Лайл снова выступили слёзы. Её глаза покраснели:

— А чего ты от меня хочешь? Раз я не человек, так и быть: гав-гав-гав!

Тиат едва не рассмеялся от такой дерзости. Он схватил Лайл за воротник и приподнял:

— А ну, повтори.

— Прости, гав-гав-гав.

Он был в ярости, но его онемевший от гнева мозг отчаянно хотел рассмеяться. Обычно он был человеком высокомерным, но при этом сдержанным и воспитанным — даже с подчиненными всегда здоровался по утрам. Но стоило ему остаться наедине с Лайл, как самоконтроль моментально рушился.

— Говори по-человечески. Что с рукой?

Лайл, ни за что ни про что получившая свою порцию ругани, вяло ответила:

— Задели, когда нападали. Она немного выскочила, но я уже вправила.— Не вините их, если уж кого и винить, так это меня. Это мой собственный организм меня подвел.

Тиат:

— Если я сейчас сверну тебе шею, это тоже можно будет списать на то, что тебя подвел твой организм?

Лайл:

— Гав.

Тиат не повелся на её уловки и продолжил допрос:

— Что такого было за городом, что потребовало от тебя столько усилий?

Лайл поскребла ладонь, затем потянулась и поскребла щеку. Смущенно указав на тот самый кусок стекла, который она только что выбросила, она пробормотала едва слышно:

— Вот это... когда я раньше собирала всякий хлам, мне показалось, что это красиво, и я спрятала. У меня нет денег, нет ничего стоящего, а раз уж вам даже жизнь моя не нужна, я подумала... найти что-то, что дороже моей жизни, и подарить вам.

Смелая собачка открывала душу, даже не краснея:

— За него можно получить конфету. Я целый день вкалываю — и то не заработаю, поэтому я и подумала, что это, может, дороже, чем моя никчемная жизнь.

Собачка захлопала большими влажными глазами, казалось, она была готова вынуть сердце и преподнести ему на ладони.

Тиат смущенно проворчал:

— Когда я говорил, что твоя жизнь никчемна?

— Несколько дней назад, когда мы определились с нашими отношениями, — она моргнула, и

лицо её помрачнело. — Вы сказали, что я дешевая.

Она выдержала его крайне сложный взгляд и добавила, запинаясь:

— Простите, я не могу дать вам ничего получше. Если бы вы были счастливы, если бы я стала собакой... хотите, я буду разговаривать с вами как собака, а?

Вся трогательность момента у Тиата мгновенно улетучилась. Он смотрел на Лайл, скрежеща зубами, не понимая, прикидывается она дурочкой или действительно такая. Он подозревал, что прикидывается.

Тиат неловко сменил тему:

— Я давал тебе деньги, почему ты их не тратила?

— Покупать вам подарок на ваши же деньги... это как-то странно.

Казалось, он действительно был тронут, и хватка на её горле ослабла. Лайл украдкой коснулась пальцами ног пола — она уже начала задыхаться. Решив, что он злится, она прошептала:

— Если вам не нравится, в следующий раз не буду ничего дарить. Буду просто любить вас тайком, ладно?

Глядя на изогнутую луну за окном, она теребила подол платья и робко предложила:

— Когда вы спасете господина Уинтона, найдите мне пристанище в богатом доме. Лучше где-нибудь на небесах, подальше от вас, я больше не буду вас раздражать.

Даже если собачка кого-то очень любит, у неё всё равно есть чувство собственного достоинства.

Тиат бросил на неё косой взгляд:

— А у тебя амбиции, оказывается, есть. В богатый дом захотела.

— Эх, — вздохнула Лайл, — мне ведь тоже хочется пожить по-человечески.

Он отрезал:

— Даже не думай об этом. Я разрешаю тебе остаться здесь и жить со мной.

Лайл покосилась на него и с грустью произнесла:

— У нас нет будущего. Я не чувствую вашего запаха, вы не можете оставить на мне метку. Пройдет совсем немного времени, и я начну вас раздражать.

Тиат упрямылся:

— Какое ещё будущее, если ты просто моя собачка?

— Любовница, вы хотите сказать? — прямо ответила Лайл. — Я видела это по Оптомозгу, я всё понимаю, не пытайтесь меня обмануть.

Хватка Тиата окончательно разжалась, и обе ноги Лайл наконец коснулись земли. Он замер, ошарашенный: она едва дотягивает до уровня его собачки, как она вообще посмела заикнуться о роли любовницы?

— Не мечтай, — сказал он. — Ты что, правда хочешь стать моей женой?

Лайл звонко ответила:

— Хочу.

Пока он пребывал в замешательстве, она сделала шаг вперед, прижалась лицом к груди Тиата и добавила:

— Пусть хоть на один день. Даже если всего на один день, этого достаточно. Произнести с господином клятвы и обменяться кольцами — это ведь должно быть такое счастье.

У Тиата в груди всё сдавило. Внезапно он осознал, что словно только сегодня узнал её по-настоящему. Как может кто-то быть настолько бесстыдным, настолько настойчивым и готовым отдать всё, не оглядываясь?

Лайл сложила ладони вместе:

— Умоляю. Господин, вы можете подумать, но перед этим у меня есть ещё одна вещь, которую я очень, очень хочу сделать. Можно мне сделать вам предложение?

Лайл обняла его за пояс и подняла взгляд. Это было похоже на вынужденный компромисс: она знала, что Тиат использует её и не станет утруждать себя подобными вещами, поэтому решила сделать всё сама.

— Вам достаточно просто появиться, остальное я беру на себя.

Тиат промолчал. Он отвел взгляд от её лица, посмотрел в окно и глухо произнес:

— Прежде чем мы перейдем к этому, завтра я возьму людей и отправлюсь с тобой за город. Будем искать их по одному, пока не найдем этих выродков.

Он хотел смотреть, как она сама отомстит им.

Лайл: «!!!»

Кажется, она снова переборщила с лаской.

<http://bllate.org/book/21009/2136028>